

СЕРГЕЙ ПЕРУНОВ

БЕРЁЗОВОЕ ПРИЧАСТИЕ

Новая книга уральского поэта Сергея Перунова составлена из произведений, написанных в 2012-2013 гг., сюда же вошли ранее знакомые читателю и наиболее значимые для автора стихи из сам-издатовских сборников «Меч-Кладенец», «Провинциальные этюды», из самой первой небольшой книжки «Весна-Река», изданной в г. Шадринске в далеком 1999 году, а также поэма «Дом на Карла Маркса».

Под редакцией А.М. Виноградова.

Берёзовое Причастие

Не с белого листа писалась жизнь моя,
с берёзовой листвы в родимой роще,
что тыщу лет шумела до меня,
и столько же кукушка ей пророчит.

На древней бересте, как на роду,
судьба моя записана задолго.
Я участи счастливее не жду,
взамен сыновней верности и долга.

На древе родовом я лишь листок,
в великой Книге Жизни - лишь страница.
Но мне не зря дарован был глоток
березового сока – причаститься.

2012 год, Шадринск

Земной поклон

Родиону и Марфе Долгих, моим Крутишинским предкам

Как живые предо мной,
на крылечке рядышком,
Родион – прапрадед мой,
Марфа – прапрабабушка.

Не живали для себя,
а себя прославили:
вы одиннадцать ребят
на ноги поставили.

Внуки, правнуки пошли,
веточка за веткою,
шлют со всех концов земли
весточки приветные.

Ну, а коли в перечёт
свояков да деверей,-
заколышется наш род,
как листва на дереве!

Так от корня одного,
заревого зёрнышка
сад ветвился родовой,
поднимался к солнышку.

Если всех собрать сейчас,
мир бы охнул: - Вишь их сколь!
Не хватило бы для нас
площади Крутишинской!

Кабы не лихие дни,
войны, смуты разные,
втрое больше бы родни
собралось на празднике!

Справили бы пир горой
с пирогами, с песнями.
в пляс пошли бы круговой
сёла все окрестные!

Вам, прапрадед Родион,
Марфа прапрабабушка,
благодарный наш поклон
до земли, до травушки!

2013 год, Шадринск

Песни Ветра

I.

Дуй, ветер, дуй! Дуй, не жалеи!
Дуй, разгоняй хмарь и печаль!
Дай, ветер, дай солнечных дней,
воли сердцам, силы плечам!

Долгих ночей белые сны
в талых снегах догорают уже.
Дуй, ветер, дуй, ветер весны,
дуй-раздувай пламя в душе!

Веру верни, вымети ложь,
выведи дружных дождей хоровод,
чтобы восстала свежая рожь,
духом воспрянул русский народ!

Дуй, ветер, дуй! Дуй, не жалеи!
Дуй-раздувай знамя весны
над половодьем диких полей,
над площадями великой страны!

Дуй, ветер, дуй!

II.

Гроза ударила, как плеть,
и вздрогнули, и взвились ветви...
Кто сможет вмиг запечатлеть
в порыве клёна маску ветра!?

Его скуластое лицо
времён языческой крамолы,
когда Перуновым гонцом
Он мчался чрез леса и доли!?

Пусть блещут молнии, а гром
грохочет, словно тяжкий молот!
Всегда летящий напролом,
ты, вольный ветер, вечно молод!

Пусть твердь гудит и стонет высь,
дуй, ветер, дуй, багрянокрылый!
Со мною, ветер, поделись
своею первобытной силой!

Тебе нигде преграды нет,
ты Правь соединяешь с явью.
И в поводу ведёшь рассвет
по луговому разнотравью!

2013 год, Шадринск

Душа Народа

Александр Михайловичу Виноградову

Слов кровное родство
давайте помнить будем:
От корня одного
слова Любовь и Люди,

Начало и Конец,
и Крест и Воскресение,
Творенье и Творец,
и Времени Вращение.

Из устья да в уста,
из речи в речку снова,-
чиста, как береста,
славянских слов основа...

Но ранит нам сердца
как та шальная пуля
свист подлого словца
в эфирном смутном гуле.

И хочется пропасть,
оглохнуть, задохнуться,
но не попасть под власть
безвкусного искусства.

Срывается на крик,
ошпарен ядом едким,
родной язык – Аз Зык -
мой голос – голос предков!

Нам нынче норовят
взамен богатств бесценных
дешёвый суррогат
подсунуть непременно.

Чтоб знать забыли мы,
кто есть мы и откуда,
чтоб души и умы
сковала нам остуда.

Душа Народа – речь.
Что может быть дороже?
Сумеет уберечь –
себя не изничтожим.

2013 год, Шадринск

Путь-дороженька

(скоморошина)

Самобранкой-скатертью
путь-дороженька,
на четыре волюшки
да всё прямо.
Ну-ка пыль ковыльную
потревожим-ка,
словим в чистом полюшке
Ветер пьяный!

Кто сказал: «Не велено»?
Умный шибко!
Ни к селу ни к городу -
сразу к Солнцу
молодо да зелено
поспешим-ка,
хватить его за бороду:
Ух-ты, жжётся!

Наши-то отчаянны головушки,
хоть теши на темени
кол осиновый!
Ни в вине не тонем мы
и ни в кровушке,-
всё уже испытано
не одинава!

Сколько за века тобой
хожено-брожено,
знают только вороны,
рвы да ямы...
Самобранкой-скатертью
путь-дороженька,
на четыре стороны
да всё прямо!

2013 год, Шадринск

По грибы

Памяти деда Ивана Захаровича Тарабукина

От мошкары создав себе завесу –
попыхивая «Примкой» соднова,
шёл дед заветной тропкой –
в гости к лесу,
и расступалась перед ним трава.

Распахивали ясные оконца
полянки,
бликовала береста,
к себе манили старого знакомца
грибные потаённые места.

Привет вам, сыроежки и маслята!
Как поживаешь, тёзка, Иван-чай?
Любая травка памятна и свята,
весь этот лес, весь милый отчий край!

Шёл дед и вспоминал о каждом шаге,
что в жизни довелось ему пройти -
от сопок уссурийских и до Праги.
Сколь это будет? Полземли почти!

Не раз в невозвратимые потери
зачислен был на страшной той войне.
Когда вернулся, сам с трудом поверил,
что на чужой не сгинул стороне.

Природа там богаче, да, но только -
не зря гласит народная молва:
дороже нет берёзового колка,
в какой ходил по грузди сызмальства.

...А я с корзинкой поспешал за дедом,
на бабочек глазел да на стрекоз,
и никакой заботушки не ведал,
и дедовых не видел светлых слёз.

2014 год, Шадринск

Птица-Тройка

Застолье, похмелье, застолье, похмелье,-
века потонули в кровавом запое.
Скажи нам, Россия, что это такое?
Ответь нам, Россия, что ты такое?
Град-Китеж, виденье в метели?

Всё кажется было - и с фронта, и с тыла
у нас на роду шито вилами белыми.
Извечно меняется шило на мыло,
меняется только шило на мыло,
Россия всё та же, чего б с ней не делали

невежи учёные, рты онемелые,
зелёные, чёрные, красные, белые,
мужи голубые, дебилы дебелие,
хмельные святые, дельцы оголтелые,
маньяки, кривляки, шуты-скоморохи,
бомжи-бедолаги, поэты-пророки,
вожди-дерьмократы, воры-депутаны,
паны-бюрократы, дожди и туманы...

Всё кажется будет, да нет, будь, что будет.
Опять обознались, и снова здорова.
А кто виноват? Победителей судят.
И нового Герцена, Вия ли будят:
- Скажи нам, братишка, заветное слово!

Лети, птица-тройка, ты вещая птица,
пока кнут и пряник в руках у возницы.
Лети, птица-тройка, от дальних окраин
до самой столицы, где спит наш хозяин -
Ямщик – Ванька-Встанька,
стукач – Ванька-Каин,
кому ещё жить хорошо на Руси?
Никто не забыт, свят-распят, неприкаян?
Лети, птица-тройка, спроси и спаси!

2007 год, Еткуль

В 30-х годах XX века «Тройками» назывались особые совещания при Наркомате внутренних дел.

Больше века

Больше века назад лес везли из Бутков на подводах,
и на помочи – ставить избу – все пришли мужики.
Больше века назад... Сколь вместили в себя эти годы!
Дом стоит, как стоял, и по-прежнему стены крепки.

Сколь воды утекло по Исети навстречу рассвету,
сколь сменилось властей, больше всё ж народилось детей...
Дом стоит, как стоял, врос корнями в родную планету.
И не сдвинется с места. И что ему «век скоростей»!?

Под углы по целковому кладено, видно, не даром,
не ленив и суседушко, хоть и шутник ещё тот.
Печка – сердце избы, дышит ровно, не мает угаром,
а какие блины, или шаньги, к примеру, печёт!

Больше века прошло... Незаметно проносится время,
вот за окнами снова зима, *витер воеет, как звирь*.
Дом стоит, как стоял.
Был когда-то он в центре деревни,
а теперь по-за ним –
в пол-России бурьянный пустырь.

2012 год, Шадринск

*По семейному преданию для постройки нашего Дома в деревне Коротковой лес привезен был из села Бутки (ныне Свердловской области)
Суседушко здесь – домовый. Витер воеет, как звирь – особенности местного говора.*

У истока Судьбы

Памяти писателя Василия Ивановича Юровских

Оставляем родные гнездовья,
без надежды вернуться назад.
Но они в нас фантомной любовью,
тихой болью как прежде горят.

От того и не ладятся судьбы,
бестолково проходят года,
и бурьяном в душе безрассудным
прорастает беда-лебедя.

И какого всё ждём мы ответа,
ищем счастья какого вдали,
за своей суетой несусветной
зов не слыша родимой земли?

А пустая изба сиротливо
в помутневшую воду глядит,
словно броситься хочет с обрыва,
да мешают ей ветви раки.

Нет, нигде нам не будет покоя,
ветер в поле лови – не лови,
наше счастье вот здесь, над рекою,
у истока судьбы и любви.

По весне возвращаются птицы,
с доброй весточкой к дому летят.
Вот бы верности нам поучиться,
вместе с ними вернуться назад...

2012 год, Шадринск

Провода

*«Над полем низко повисая,
Лениво стонут провода...»
А.Твардовский, «Рожь, рожь...», 1939 г.*

Вороньё по ближним колкам
разлетелось – кто куда.
На ветру сыром и колком
стонут в поле провода.

Их ещё не сняли воры,
но уже электроток
отключён к сельцу, в котором
три избы, старух пяток.

Перестройка, крах державы,
рынок (в скобочках – разбой)...
Был колхоз, когда-то славный,
развалился сам собой.

Все разъехались – кто в город,
кто на кладбище, и вот –
пять старух тоску и горе
делят уж не первый год.

Трудно им, конечно, трудно,
хуже, чем в года войны.
Как на острове безлюдном
посреди большой страны.

Родина, Россия, где ж ты?
Не осталось и следа.
Как последняя надежда –
в поле снежном провода.

2012 год, Шадринск

Виктору Астафьеву

*«Под горой живая река с мерцалой синью...»
из письма В.П. Астафьева Е.Капустину, дер. Сибла, 07.04.1975 г.*

Река с мерцалой синью под горой,
манящее молчанием заречье...
Как вечен свет, далёкий и родной,
так вечно беспокойство человечье.
И человечье только ли?
Близки
в печали тайной – травы, люди, птицы.
От капли малой до большой реки,-
всё словно ждёт чего-то,
всё стремится
как будто вспомнить что-то, что давно
забылось...
Только отблеск звёзд высоких,
воды впитав, на илистое дно
неслышно опускается в протоке.

2013 год, Шадринск

Над Рекой

Старый храм с провалившимся куполом,
побывавший на долгом веку
и колхозным амбаром и клубом,
в обмелевшую смотрит реку.

Там у берега бродит по зарослям
заблудившийся пёстрый телок,
догнивает (никто не позарился)
плоскодонка, уткнувшись в песок.

Зарастают тропинки нехожие
безымянной травой-муравой.
Вновь безвременье, вновь бездорожье,-
то былинным ветрам не впервой.

Осыпается ягода спелая.
Даль небес голуба и пуста.
И берёзка на храме Успения
зеленеет заместо креста.

2013 год, с Замараевское

«Платформа 184 км»

Вдоль насыпи медовый донник.
Увит вьюнками семафор.
И дольки солнышка в ладонях
ромашки носят с давних пор.

Здесь остановка лишь по требованию.
Бывает, в летние деньки
из электрички, словно с неба,
десантом скачут грибники.

В бору аукается сонном
протяжный гул – мечте вдогон.
А рельсы чутким камертоном
настраивают сосен звон.

Но вмиг звучание убавится,
когда, свой сокращая путь,
на камертон присядет бабочка,
минутку чтобы отдохнуть.

2013 год, Шадринск

Павелёво

*«Мать России целой – деревушка,
Может быть, вот этот уголок...»
Н. Рубцов*

За полевою палевою далью
деревня Павелёво в мире есть,
над речкою Барнёвкой, над печалью
холмов полынных, в полынье небес.

Осталось много войн и революций,
реформ и перестроек позади.
Деревня, не питавшая иллюзий,
не отняла Россию от груди.

Не подвела в суровых испытаньях,
не повелась на уговоры мать.
Свет истины даётся по страданью,
по вере воздаётся благодать.

Несёт свой крест деревня Павелёво,
из века в век, как повелел Господь.
Пока она стоит, жива-здоровая,
Россию не сломать, не побороть.

2012 год, с. Павелево

Приисетье

Обнищало нынче Приисетье,
многих деревень не достаёт,
не одну войну и лихолетье
перешедших, словно речку вброд.

Это что ж за времечко такое?
Вроде нет ни сечи, ни чумы,
отчего ж, как прежде, над рекою
труб печных не тянутся дымы?

Петухи на зорьке не горланят,
ботала коровьи не бренчат,
на вечерках, как бывало ране,
не звенит задорный смех девчат.

Не медовым духом разнотравья,
гарью от лесов заволокло
край родной, как будто стало явью
в старых книгах проклятое зло.

Для того ль шли прадеды седые
за Урал с Онеги, с Холмогор,
чтобы мы все добрые труды их
привели в забвенье и разор?

Для того ли не одно столетье
проливали кровь свою и пот?

Нешто басурманам Приисетье
по кабальной грамоте пойдёт?

2012 год, Шадринск

В глухомани

Тишина, глухомань лесная,
воля вольная для зверья.
Здесь бы жить, суеты не зная,
сил душевных не тратя зря.

Только где же те поселенцы,
вновь кому пахать целину?
Кто готов поделиться сердцем
с лесом, с полем, как в старину?

Опустели деревни, сёла,
березняк затянул поля,
с небом пасмурным, невесёлым
раздружилась навек земля.

Словно не было трёх столетий,
дел великих, горячих лет...
Время вспять потекло по Исети,
поменялись закат и рассвет.

Даль дремучая, бездорожье,
трын-трава да развалин сор.
Как в семнадцатом веке – тот же
безымянный немой простор.

2012 год, д. Короткова

Ангел бездны

«И затрубил пятый ангел...»

Откровение Иоанна, гл. 9

Дымы, дымы над горизонтом...
Как в полосе прифронтной
живём. А то – встаёт огонь там
багрово-алою стеной.

Горят леса, горят озёра,
горят поля, вся Русь горит.
Потерям счёт ведут в конторах,
тушить – никто не поспешит.

Но не в лесу очаг пожара,
не в жилках высохшего мха,
а в душах, чёрных от нагара,
перегоревших от греха.

Дымы, дымы над горизонтом,
горит земля, горит вода...

То ангел бездны Аваддон там
выводит саранчи стада.

2010 год, Еткуль

Берёза-Богородица

И в тёмный век ты также к солнцу тянешься,
поддерживая кроной небеса.
Была душой России и останешься,
пречистая, пресветлая краса!

Ещё шумят леса твои священные,
как мы их не рубили и не жгли.
Даруй, Святая Мати, нам прощение,
все раны исцели родной земли!

Когда у нас в России распогодится,
улягутся метели, мятежи?!
Благослови, Берёза-Богородица,
и верную дорогу укажи!

2013 год, Курган

Гроза

Я никогда такой, как нынче
грозы не видел:

 взвыла высь,
когда,
 как два боксёра в клинче
две тучи грозные сошлись!

Волнами - мускулы на спинах,
сверкают искры

 в тыщи вольт!
Чем завершится поединок
двух сил нездешних,
 высших вольт?

И что пророчит эта схватка,
какое солнце вспыхнет вновь,
когда на землю

 без остатка
прольётся ливнем
 неба кровь?!

2014 год, Шадринск

Комета

Меч Божий, меч карающий – комета,
грядущей пустоты гнетущий вой!
Один удар – и грешная планета
покатится отрубленной главой.

И, омертвевшим оком океана,
остановившись бездны на краю,
уставится туда, где в звездном стане
оставила орбиты колею.

2013 год, Курган

Проклятье

Кто льёт в наши души палёную ересь,
умаслив елеем культмассовой лжи,
мечтая, что в силе Добра разуверясь,
пойдём добровольно под чёрный режим?

Кто стравливал нас,
кровью наших усобиц
питая свою ненасытную страсть?
Кто, бесам продав уценённую совесть,
из грязи лез в князи, *законно* чтоб красть?

Кто двинул на нас инородные орды,
чужими руками чтоб жар загребать?
Кто русский народ, непокорный и гордый,
с протянутой шапкой заставил стоять?

Кто, грезя мечтой мирового господства,
готов всей земле подписать приговор,
как благо - вовсю рекламируя скотство,
как истину - преподавая террор?

Кто взял на себя обязательства ката,
кто нашего Бога распял на кресте,
кто пачкает всё, нами чтимое свято,
да прокляты будут навеки все те!

2010 год, Еткуль

Родина или Смерть

*«Лучше попяту быти, неже полонену быти».
«Слово о полку Игореве»*

С четырёх сторон – злые ветры,
лай собачий, свинцовый смех.
Мы с тобою одни в ответе –
будет Родина или смерть?!

От России одно лишь название,
всюду ложь, как болотная твердь.
Но над нами червонное знамя,
значит – Родина или смерть?!

Внесены мы с тобою, брат мой,
в протоколы кровавых смет.
И дороги для нас нет обратной,
путь наш – Родина или смерть?!

Всё, что свято для нас, - продаётся,
биржевая шумит круговерть.
Нам с тобою одно остаётся –
только – Родина или смерть?!

Лучше с честью погибнуть в битве,
чем терпеть – на позор смотреть.
Пусть единственной нашей молитвой
станет – Родина или смерть?!

2010 год, Еткуль

Партизанские костры

Всё в дыму, всё во зле,
солнце скрылось во мглу.
На родимой земле -
у врага мы в тылу.

Но в весенних лесах
пляшет стая ветров
на горячих углях
партизанских костров.

С неба прямо в траву
не моя ли звезда?
Но пока я живу –
под откос поезда!

Не вернусь я назад
из кромешной весны,
неизвестный солдат
партизанской войны.

Скоро весь, как один,
встанет русский народ.
Хватит в роще осин
для продажных господ.

Хватит силы в руках,
хватит острых штыков,
закалённых в огнях
партизанских костров.

2010 год, Еткуль

Вечный огонь

Как долго тлел хатынский уголёк,
как долго ждал он ветреной погоды.
И разгорелся, жаден и жесток,
точь-в-точь, как факел статуи Свободы!

И вновь - ряды траншей и баррикад,
и наголо парням макушки бреют.
и снова люди заживо горят,
а кто-то над кострищем «руки греет».

Впрок братских понакопано могил
по указанью импортного дяди.
Война – кому-то фосфор и тротил,
ну а кому-то - сало в шоколаде.

Вечный огонь покуда не угас,
он плещется расплавленной сталью!
Умылись в пламени Одесса и Луганск,
что вспыхнет завтра – Волга, Зауралье?

И нет дождя, чтоб задуть пожар,
как будто небо высохло до края.
Летит земля, как раскалённый шар,
навстречу солнцу, налету сгорая.

2014 год, Шадринск

Весна в Славянске

Весна в Славянске. Яблони в цвету.
Черёмухи стоят – как взрывы белые!
А рядом выстрелы гремят на блокпосту,
и дышит сад резиною горелюю.

И чью-то жизнь, как с белых яблонь дым,
взрывной волной уносит в небо синее.
И клятва - «Не забудем, не простим!» -
подчёркнута трассирующей линией.

2014 год, Шадринск

Т-34

«И памятники сходят с пьедестала...»

Евгений Винокуров

Танки сходят с пьедестала,
чтобы вновь идти в атаку...
В страшном сне такое танку
не приснилось бы вчера.
А сегодня, зная, настала
подходящая пора.

То же горе, те же беды,
тот же враг матёрый, лютый,
словно не было Победы,
слёз, букетов и салютов.

Лишь минутою молчанья
полстолетья промелькнуло,
снова пушечное дуло
раскалилось докрасна.
Где же вы, однополчане,
не окончена война!

Вновь от гари воздух горький,
до последней крови – бой.
И – дай Бог! – тридцатьчетвёрке
на гранит вернуться свой!

2014 год, Шадринск

В первые дни гражданской войны на Украине в 2014 году в городах самопровозглашенной Новороссии ополченцы снимали с пьедесталов танки времен Великой отечественной войны для использования их в боях с Украинской армией. (прим. автора)

Последнее письмо

«Ставь, Прасковья, брагу –
праздновать Победу!
Прямо от Рейхстагу
я домой поеду.

Одолели немца,
крышка живоглоту!
Эх, блинов наемся...
Да и за работу!

А как жив остался,
сам того не знаю.
Шибко стосковался
по тебе, родная! »

Есть одно присловье:
рвётся там, где тонко.
И пришла Прасковье
вскоре похоронка:

«В городе Берлине
на такой-то штрассе
на последней mine
подорвался Вася».

2014 год, Шадринск

Сталкер

Александрю «Сиду» Язовских

Двухтысячного года лето:
наш пир во времена чумы,
над бездной бесконечной света,
у краешка кромешной тьмы.

На стыке двух эпох великих,
на берегах молочных рек,
гадали мы на травах диких,
что нам несёт грядущий век.

И постигали силу Слова,
алмазный небосвод граня.
Летела звёздная полова
в ладони вещего огня.

Эолова стонала арфа,
шаманский бубен рокотал.
Слетались ангелы и лярвы
к раскрытым вечности вратам.

Мы шли вперёд, не зная брода,
по жалам первых жгучих рос,
куда неясная свобода
манила всполохами грёз.

Кто выстоял, сильнее стал тот,
а кто-то сгинул без следа,
остался, заплутавший сталкер,
в том знойном лете навсегда.

В венке из ягод и колосьев
встречала нас в конце пути
пресветлая богиня – Осень,
чтоб к новой жизни повести.

Лярвы – здесь нематериальные сущности, порождения человеческих отрицательных эмоций и мыслей (окультурное понятие)

2013 год, Шадринск

Пурга

Звёзды звякают в космах Пурги –
серьги медные старой колдуньи,
встала станом она у реки
справить тайный обряд Полнолуныя.

Приручѣнные воют ветра,
злой хозяйки велению внемля,
и слюна с языков костра
плавит в камень застывшую землю.

Забуранит, завьюжит волшба,
закружится Пурга в белом дыме,
вдруг седины смахнет со лба,
А глаза - что огонь - молодые!

Обжигающе холоден взор,
в нём увидишь сквозь снежную выбель,
в миг единый – вселенский простор
и свою неизбежную гибель.

Где буравит Пурга небосвод,
разъярѣнным бросается зверем,
Нечуй-ветер-трава зацветѣт,
но отыщет её только тот,
кто, ослепнув,
другим видит зреньем.

По славянским языческим поверьям на месте, где особенно ярилась пурга, вырастает чудодейственная трава Нечуй-ветер, которую отыскать может только слепой.

2012 год, Шадринск

Сороки

Горланят ребятишки где-то
у сараюшки на горбе:
- Ты дай нам, жаворонок, лето,
а зиму заberi себе!

А бабы, как велит обычай,
с утра пекут ржанных пичуг.
И на дворе под гомон птичий
мужик уже готовит плуг.

Коль сорок утренников будут
морозных вслед за этим днём,
то уж потом не ждите худа,
одарит солнышко теплом...

Исчезли прошлого приметы,
и эхо глухнет от помех.
Теперь - ни жаворонков нету,
ни той весны, ни песен тех.

Ни веры светлой, ни деревни
над речкой на крутом яру.

Как сорок мучеников древних
березки стынут на ветру.

Сороки - день памяти сорока христианских мучеников Севастийских

2012 год, Шадринск

Блазни

По дороге от Нижнего Яра,
там, где справа высокий бор,
а напротив осинник старый,
место тихое...
С давних пор
про него нехорошая слава
по окрестным селеньям идёт:
за осинником, дескать, костлявым
есть болотце,
иных болот
пострашнее, опаснее многих,
хоть и с виду не велико:
днём увидишь его с дороги –
латка кошкина с молоком.
Но, уж если под вечер едешь,
или ночью (не дай то Бог!):
сам себе не поверишь –
бредишь,
или, вправду, чей голосок?
Кто-то стонет, зовёт на помощь,
только ты и сумеешь помочь!
Поспешишь –
сам в болоте утонешь.
Зов погаснет.
Сомкнётся ночь.

Сколько сказок в народе разных,
их послушать – и смех, и грех.
Но и нынче немало блазней,
похитрее болотных тех.

2012 год, Шадринск

Касьянов день

Лишь раз в четырёхлетье
бывает этот день.
О нём худые сплетни
ползут из деревень.

- Хромой, рябой Касьян-от,
дурной Касьянов глаз,
и всё, на что он взглянет,
завянет в тот же час.

От древних суесловий
порой бросает в дрожь:
- Случится мор коровий,
не уродится рожь.

Что только не болтают
по всей большой Руси:
- Святому Николаю
Касьян поджжёт усы.

- И дьяволу, и Богу,
мол, служит он, прохвост.
Под нимбом-то два рога,
а из-под рясы – хвост!

И снова бабы прячут
цыпушек под квашнёй:
головки им иначе
свернёт Касьян косой.

И снова до обеда
катая кадыки,
пророчат зло и беды
на печках старики:

- Падёт и не растает
на поле чёрный снег,
не день, не год настанет,
а високосный век...

2012 год, Шадринск

Касьянов день – день памяти преподобного Кассиана Римлянина, отмечается церковью 29 февраля.

Всё с рук сойдёт нам, пронесёт, прокатит,-
мы не устанем повторять слова,-
земных щедрот вполне на век наш хватит,
а там – хоть вовсе не расти трава!

Трава уже сгорела и зачахла
от горькой гари шумных городов,
где помнит мало кто, как поле пахло,
как лес звенел от птичьих голосов!

Земля вот-вот остынет, как остыли
сердца у нас от жадности слепой.
Падут печати...
И могильной пылью
закроет небо хаос мировой.

Спохватимся тогда мы, только поздно,
кто нам позволит жизнь начать с нуля?!

И одиноко будет в вихре звёздном
кружиться опустевшая Земля.

2013 год, Шадринск

Узелковая грамота

1.

Нет, отнюдь не случайно всё то, что однажды
происходит на свете.

Слово каждое наше, поступок наш каждый
у судьбы на примете...

За клубком самокатным спешим на край света
через пни и колоды,
чтоб догнать навсегда уходящее лето,
зыбкий призрак свободы.

Расстиляется путь, и блуждает ухмылка,
и попытка – не пытка.
Только рвётся в душе, словно тонкая жилка,
Ариаднина нитка.

2.

Путеводную древнюю мы позабыли
узелковую грамоту
и летим в никуда на оборванных крыльях,
как в бездонную яму ту.

Мы не знаем пути, в наших душах потёмки,
и сердца обесточены,
мы очнёмся, быть может, у самой у кромки,
у небесной обочины...

Время лечит одно, а другое калечит,
как любая таблетка.

А еще – я не верю в случайные встречи,
что бывают нередко.

2013 год, Шадринск

**Памяти поэта
Сергея Чепесюка**

*«Он молитву шептал, держа
Всех людей, добрых, злых – без изъяна –
В сердце чутком...»*

Сергей Чепесюк, «Живущий в молитве», 1993 г.

Он был поэт, поэт! Всё прочее теперь –
все неурядицы, немилости судьбины,
вся чехарда падений и потерь,-
не стоят и комка замёрзшей глины,
ударившей о крышку домовины.

При жизни он гроша не накопил,
и лишь стихи оставил нам в наследство.
И вот душа, расправив пару крыл,
легко вспорхнула и вернулась в детство,
что не купить ни за какие средства.

Он верил в красоту и в силу слов,
отчаянно, всем вопреки напастям.
За что с ним этот мир был так суров?
За то, что всем желал он только счастья
и ни к каким грехам не был причастен?!

Снежок летит... Такая Тишина...
Нам до того нет никакого дела,
мы всё спешим куда-то ошалело.
А он – там, с мамой, ведь его она
одна лишь искренне любила и жалела.

2014 год, Шадринск

Пепел

В лужах пожухлая тлеет листва,
брошена, словно на ветер слова.
Выйду и прямо с земли подберу
рифмы к стихам, неподвластным перу:

Снова на улицах слякоть и грязь,
снова за старое осень взялась.
Всё перепутала – дождик и снег,
век позапрошлый и нынешний век.

В сумраке сером виденья встают
давних сердечных волнений и смут.
Память, остывшие угли души
болью фантомною не вороши!

Пусть поскорее придут холода,
годы покроются коркою льда.
Пусть поскорее засыплет следы
снег – белый пепел сгоревшей воды.

2012 год, Шадринск

Из Питерского дневника

От блокадного кольца
к Триумфальной арке,
от чухонских топких блат
до блат-хат в «Крестах», -
роскошь царского дворца,
копоть коммуналки,
город-память,
город-миф,
сложен на костях.

Здесь по набережным вдоль –
словно по страницам,
что ни камень – чья-то боль,
душу пополам!
Что же, крейсер боевой,
нынче тебе снится,
белой ночью над Невой
в сполохах реклам?

На Фонтанке водку пьёт
Чижик-пыжик юркий,
загрустил в чугунной клетке
старый Летний сад.
Я хотел бы жить,
жить и умереть в Санкт-Петербурге,
если бы не память о тебе,
Ленинград.

2007 год, Санкт-Петербург- Шадринск

Памяти Александра Корсуна

Сюжет, давненько ставший классикой
для новостных телепрограмм:
за встречу начали с «пивасика»,
потом был водки «килограмм».

А после «вырубилась» разом,
один – с окурком у губы.
И смерть легко угарным газом
передушила три судьбы.

Усевшись в кресле поудобнее,
так, что и пультом щёлкнуть лень,
по телевизору подобное
мы видим чуть не каждый день.

И, задремав, спокойно дышим
(чужому горю – грош цена),
пока за кадром не услышим
друзей погибших имена...

2012 год, Шадринск

В тесной пустоте

Сгореть бы со стыда
за серые хрущёбы,
за клёны в неглиже
в кромешный листопад,
чтоб раз и навсегда
забыть всё это, чтобы
не видеть мне уже
конца пути назад -

сквозь строй дворов пустых,
где мусорный пакетик
как мотылёк летит
на свет ментовских фар,
где перегарный дым
ночных блатных патетик
давно вписался в быт,
как будничные кошмар,

Где пустота тесна,
пропитанная ложью,
где жизнь, как дикий бред,
гниёт в немой глуши,
одним лишь ото сна
отличная, быть может,
что пробужденье нет,
спасенья для души,

где слёзы сентября
размазаны на стенах,
где теплотрассы рвы
чернеют испокон...
Мне б вызвать на себя
огонь дерев осенних
и пеплом от листвы
развеять жуткий сон.

2012 год, Шадринск

На пустыре

*«Ты поверь в меня, старый тополь...»
Алексей Еранцев*

Гляжу на тополь
и не узнаю.
А мы с ним, верно, одногодки,
в одном мы выросли краю,
в крапивном нашем околотке.

Те, счастья полные деньки,
в сны обращенные теперь уж,
так безнадежно далеки,
что в них и сам почти не веришь,

В глазах как будто бы темно,
а день, как прежде, тих и светел.
Не мы сквозь время, а оно
сквозь нас проходит, словно ветер.

Приметы прошлого немы.
И слёзы – не вода живая.
И, холодней, чем снег зимы,
пух тополиный обжигает.

И хочется уйти скорей:
былого не вернёшь...
Так что же
я всё стою на пустыре,
как будто памятью стреножен?..

2013 год, Шадринск

Соловей

За протокой Веселухой
соловей распелся.
Что творит, пернатый ухарь,
жжёт пошибче перца!

Жив, курилка, уберётся,
никуда не делся.
Музыка откуль берётся
в этом хрупком тельце?

Ан, в охотку, что есть духу,
завернул такое,
что старуху Веселуху
враз лишил покоя.

Чебаки - глухи тетери,
а и те за песней
лезут чуть ли не на берег
с окунями вместе!

А певец, в экстазе майском
закатив глазёнки,
всё звенит, не унимается,
погремушкой звонкой.

2013 год, Шадринск

Облака в закатной позолоте

Облака в закатной позолоте,
всё яснее тихая печаль.
Будет день, меня вы позовёте
за собой в неведомую даль.

Ветер там возьмёт меня в подпаски -
табуны теней в лугах пасти,
там в густой траве гнезятся сказки,
звёздные там сходятся пути.

В бесконечно длительной разлуке,
где не сыщешь прошлого примет,
вспомнятся ли отблески и звуки
жизни, что сейчас дороже нет?

Облака в закатной позолоте,
вспомню ли, как было шибко жаль
птицу ту, что пела на болоте
про свою пернатую печаль?

Вспомнится ли мне в краю далёком,
как в лугах вечерних я бродил
и за вашим медленным полётом,
словно зачарованный, следил?

Облака в закатной позолоте,
всё яснее тихая печаль.
Скоро ли меня вы позовёте
за собой в неведомую даль?

2012 год, Шадринск

Осень

Обнажая вечность и пространство,
оппадают звёзды и листва.
И теряют смысл и постоянство
роковые числа и слова.

Новую невиданную лёгкость,
просыпаясь, чувствуешь острее.
Путаешь мгновений мимолётность
с частотой дыхания камней.

1998 год, Будденовск

Акварель

В листве играет капля света,
прозрачным золотом горя:
опустошающая сердце
сентиментальность сентября.

Тревога нежности печальной.
Сырые тени тополей.
И только солнца луч прощальный –
как будто ярче и теплей.

2000 год, Шадринск

Моей мышке

На улице столпотворенье,
а у меня в квартире - тишь,
и слышно, как
 плод вдохновенья
грызёт компьютерная мышь.

Скрипи, беспроводный мышонок,
наследник ручки перьевой,
не комплексуй, что голос тонок,
мы на Парнасе не впервой!

Не век тебе сидеть за печью,
дрожать до кончика хвоста.
На древнегреческом наречье
ты рядом с музой неспроста.

И наши, друг ты мой, писанья,
ещё увидят белый свет
и потрясут до основания
весь пресловутый интернет!

2013 год, Шадринск

На осеннем рассвете

Седая осень озеро туманит.
Так закрывают в доме зеркала,
когда приходит смерть.
В прозрачной рани,
как в ране рваной, кровоточит мгла.
Так сны всплывают в запоздалой яви
в предутренние вещие часы.
И не шумят высокие отавы
под тяжестью свинцовой росы...

Оставив бесполезных мыслей ворох,
усталою душой к земле припав,
я слушаю, и слышу тихий шорох –
чуть слышный шёпот полумёртвых трав
о том, что соки стыннут, никнут стебли,
о том, что сорных трав на свете нет,
что с каждым днём всё пасмурнее небо,
всё холоднее с каждым днём рассвет.

2011 2013 год, с Селезян, Шадринск

Первый снег

Впервые видя белый свет,
по голым веточкам кленовым
скользит весёлый первый снег,
своим сияньем зачарован.

Искрится в нимбах фонарей,
прохожих дрожью пронимает.
И удивлённый воробей
его за мошек принимает.

А снег летит, а снег спешит,
кружа, снижаются снежинки.
Желает снег от всей души,
чтоб всем досталось по смешинке.

Он не успеет: до земли
не долетит, в моём дыханьи
растает первенец зимы -
и станет новыми стихами.

2000 год, Шадринск

В прозрачной мгле

До мозга веток тополь вымок
напротив нашего окна,
в прозрачной мгле похожий на
рентгеновский нечёткий снимок.
В нём, как пустое сердце, стынет
сорочье старое гнездо.

На «после осени» и «до...»
летающий снег
жизнь половинит.

2013 год, Шадринск

Предзимье

Зима ещё белыми нитками шита,
и марли прозрачнее - день Покрова.
Ещё в палисадник калитка открыта,
где с яблонь не вся облетела листва.

Ещё не свершила Земля крестный ход свой
вкруг Солнца, холодным ветрам вопреки.
Ещё со стеклом лишь намечено сходство
притихшей, уже потемневшей реки...

2013 год, Шадринск

Если впереди пути не видишь,
значит, час пришёл взглянуть назад.
Позабудь победы и обиды,
пусть их замечает листопад.

И начни с нуля, начни с начала,
вновь от печки дедовой пляши.
Чувствуешь, душа твоя устала,
значит, ты ещё не без души.

2000 год, Шадринск

Зима без малого прогресса:
то слякоть, то опять мороз.
Казалось, только что прогрелся,
как тут же заново замёрз.

Уж лучше б вдарило под сорок,
чтоб слёзы – льдинками из глаз!
Скрипел бы клён, как на рессорах
ветхозаветный тарантас.

И чтобы долгий зимний вечер,
и вьюга пела бы в трубе,
а я, укутав пледом плечи,
всё сказки б сказывал тебе.

2000 год, Шадринск

Из детства

1.

Испечём на углях луку,
он, печёный, сладкий ведь.
И в окне продышим лунку,
чтоб на улицу глядеть.

Посулился нам с заимки
привести гостинцы дед:
сок берёзовый во льдинке
и от зайчика привет.

Скоро дедо возвратится.
Ты, братишка мой, не ной.
Глянь, Никола на божнице
нам уже грозит рукой!

2.

Про лису и Жихорьку колыбайка бабкина.
На полатах лук-севок в чиненных чулках.
Намывает нам гостей котик мягкой лапкою.
Колобродят ходики, путаясь в веках.

В рёбрах стен живучий сок – лубяная музыка.
Дом заговорённый наш от мирских невзгод.
Я возьму к себе под бок котофейку Мурзика,
ты не бойся, Жихорьку лиса не украдёт!

3.

Укутал месяц личико
в пушистый полушалок.
На улке ветром - глико чо! –
деревья раскачало.

В избушке пред божницею
лампадка пилигает,
да кошка круглолицая
глазищами сверкает.

Храпит на печке дедушка,
корова деду снится.
Буканушко-суседушко
в чуланке суетится.

1999 год, Шадринск

Одинокая песня

В сухопаром осиннике возле болотца
с полведёрка опят в редкий год наберётся.
Но зато там такая стоит тишина,
что земли одинокая песня слышна.

Ветер в такт ей легко камышами шуршит,
и осинки тропу осыпают листьями.
И, как эхо в осенней глубокой глуши,
из души осенённой стихи льются сами...

Я вернусь лишь под вечер, мокрехонек весь.
Дома вновь заворчат, с неподдельным испугом:
- «Выпей чаю с малиной да на печь-ту лезь,
не иначе, водил тебя леший по кругу».

Хорошо растянуться на русской печи:
от болезни любой нет лекарства полезней!
Только сердце всё также тревожно стучит,
всё мне слышится та одинокая песня.

2012 год, Шадринск

Над Исетью

Табунами тучи над Исетью
гонит ветер, щёлкая кнутом.
Было так назад тысячелетья,
будет так, когда и мы уйдём.

Как же наши мелочны обиды,
суетны и бестолковы дни.
За дровами леса мы не видим.
и живём, как будто бы одни.

Опрометью только и приметим,
как, ремённым щёлкая кнутом,
табунами тучи над Исетью
гонит ветер вдаль за окоём...

Солнышка за мороком тяжёлым
не видать, не слышен птичий звон.
Говорят же старики по сёлам:
- Дождь с полдён – так, верно, - на семь дён.

2012 год, Шадринск

Ветеранам Крапивной войны

*«Самые дорогие люди на земле – это друзья детства»
В.Потанин*

Польский фильм про танкистов с собакой
ребягню до печёнок потряс!
Мы поспорили чуть не до драки,
командиром кто будет из нас.

А уже поутру у пригорка
на виду изумлённых сельчан,
деревянная тридцатьчетвёрка
появилась, чуть схлынул туман.

Быстро танк смастерили мальчишки,
на задумки хитра голытьба:
со стиральных машин сняли крышки –
будут люки, а пушкой – труба!

- Поддержите огнём и маневром!
Три «зелёных свистка» – дан сигнал.
И помчался наш танк из фанеры,
на крапиви в атаку погнал!

Кто рычал, подражая мотору,
и отчаянно жал «рычаги»,
кто картофками бил по забору,
за которым укрылись враги.

Не смотря на занозы и насморк,
и на рваные в клочья штаны,
шли бои – не на шутку, а насмерть,
в память той, настоящей войны.

Старики за ребячьей забавой
наблюдали, смоля самосад,
вспоминали бои под Варшавой
и в кровавом огне Сталинград.

А когда по домам мы шагали,
и горланили песню в строю,
шишбарки репья, как медали,
украшали футболку мою.

Знали мы – это только начало,
впереди у нас много побед!
Одноклассники, однополчане,
сколько зим пронеслось, сколько лет!

Танк наш «Рудый» давно разобрали,
нет ни армии той, ни страны.
Где ж теперь вы и кем же вы стали,
ветераны крапивной войны?!

2013 год, Шадринск

Скоморошье племя

Игорю Растеряеву

В бубенцах, в рубашечках с горошками,
на Руси нет-нет да появляются
пареньки с гитарками, с гармошками,
что поют не так, как полагается.

Не идётся им дорогой торною,
не живётся тихой жизнью мирною.
Скоморошье племя – семя сорное,
беспортошное да бескозырное,

Сами-то косматые, чумазые,
В чём душа – без слёз не взглянешь! – держится,
а туда же – учат уму-разуму,
обличают отчее невежество.

Сочиняют песенки крамольные,
правду рубят, хоть клади в поленницу,
о душе пекутся, малохольные,
с палками кидаются на мельницу.

Языком плетут и не подавятся,
не боятся ни кнута, ни пряника.
Всё не так им, всё-то им не нравится,
ни царя ни ценят, ни урядника.

Ни себе ни людям - сна спокойного,
не дают отчаянные головы,
скоморошье племя колокольное,
всех бы на кол их, да в горло – олово!

И морока с ними, и без них – тоска,
и не согрешить, и не покаяться.
А душа звенит, как струнка-ни-то-чка,
да никто на зов не откликается.

2013 год, Шадринск

Родина

Памяти советского кинопроката

В кинотеатре «Родина» у кассы
народу тьма, билеты нарасхват.
Все – с первого и по десятый классы –
фильм про индейцев посмотреть хотят.

В кино сбегал с уроков, было дело,
и до сих пор я помню каждый кадр,
а лет уже немало пролетело,
давным-давно закрыт кинотеатр.

Чего в нём только не было за годы:
найт-клуб, где то стрельба, а то стриптиз,
на шабашах во имя Иеговы
вопили проповедники на бис...

Затем торговый муравейник вырос,
совсем другая жизнь в стране пошла.
Нас шопинг поразил, как модный вирус,
шокируя обильем барахла.

Дешевых бижутерий блеск заманчив,
и души продаём мы за гроши,
а на тропу войны, как те каманчи
киношные, ступить не поспешим.

Искусство превратилось в шоу-бизнес,
электоратом сделался народ.
Вступив с Европой в половую близость,
Россия честь и совесть отдаёт.

Чему же нас учили в старых фильмах?
И где герои славных тех картин?
Иль образы вождей индейских сильных,
и брянских партизан – лишь миф один?..

По всей стране гудят корпоративы.
Бомжи с утра выходят в интернет.
Есть всё: бананы и презервативы!..
А Родины (кинотеатра) нет.

2013 год, Шадринск

Души - задушены. Чувства - черствы.
Это последний осенний этюд.
Жёлтую прессу пожухлой листвы
клёны в продутых дворах продают.

Время убито. Свидетелей нет.
Алиби верное у пустоты:
изморось, ветер, бессонный рассвет,
черновики безнадежно чисты.

2000 год, Шадринск

Оттепель

Так надоела грязь и слякоть,
что хочется... нет, не заплакать
(уж больно рифма истряслась,
истоптана, как та же грязь...).

А хочется мороза, чтобы
как в лучшие года Руси,
да исполинские сугробы,
да крик ямщицкий: «Выноси,
родная! Эх!»

И вой метели
крик погасил, а с ним и жизнь.

Как наши зимы потеплели,
как души слякотью взялись!..

2013 год, Курган

Первоснежное

Сразу стало светлее от свежего снега,
и душа словно крылья опять обрела.
Даже, кажется, взял и взлетел бы с разбега
прямо к Богу, спросить у него: - «Как дела?»

«Ничего», - Он ответит, - «Жить можно, покуда
ребятню ещё радует первый снежок,
и, назло всем напастям, вы верите в чудо,
знать, в сердцах не погас ещё мой огонёк».

- «Ну, пока!»
- «Будь здоров!»
- «Я Вам свечку поставлю».
- «Нет, не надо, слепи-ка мне снеговика».

И обратно на землю легко я отправлюсь,
чтоб уважить, порадовать Старика.

2012 год, Шадринск

Под новый год

Пройденных дорог черновики
перепишут набело метели,
и Зима накормит из руки
сладкою рябиной свиристелей.

Вспыхнут новогодние огни,
заиграют радостно и ярко.
В детство, Дед Мороз, меня верни,
и других не нужно мне подарков!

Выйду на крылечко, гляну в ночь:
небосвод созвездиями вышит.
Память, память, душу не морочь,
жизнь мою никто не переписет.

Память, память, только сохрани
самые счастливые мгновенья,
пусть горят бенгальские огни,
пусть гирлянд цветных не рвутся звенья!

2012 год, Шадринск

Забыто новогоднее похмелье
и святочной потехи кутерьма.
Последнею февральскою метелью
отпета белоснежная зима.

Но всё-таки она прошла не вовсе,
ещё нам долго не видать тепла.
И колется ещё в ковровом ворсе
сухая новогодняя игла.

2007 год, Еткуль

Клёны

Клён режут чуть ли не под корень
по осени из года в год,
но снова, смерти непокорен,
весной побеги он даёт.

Откуда силы-то берутся,
ответьте людям, деревца?

Вот так бы нам, когда все чувства
засохли, и в крови сердца...

2013 год, Шадринск

Стихи о первой любви

Это было то раннее, тонкое,
словно первый апрельский листок,
прозревающий из-под плёнки
робкой ощупью певчих строк.

Это чувство, вернее, предчувствие,
не любовь, только нежность и свет,
«мы не знали такого искусства», -
как один написал поэт.

Только берег знакомой речки,
что вдруг стала совсем другой,
и на мостике, как на крылечке
жизни будущей - мы с тобой.

Мы расстанемся очень скоро,
и не встретимся никогда,
унесёт по течению в море
отражения наши вода.

Мы познаем любви искусство,
но кого б не любили врозь,
это будет всё то же чувство,
что однажды в сердцах зажглось.

2012 год, Шадринск

Утро в саду

Нынче утром, только встало солнце,
только ветерок дохнул на сад,
около замшелого колодца
одуванчик высадил десант.

Яблони проснулись и запахли.
Вдруг припомнил, что он царь, горох.
Из росы последней жгучей капли
старый шмель себе сварганил грог.

А кузнечик, нотные задумки
Набросав на прописи листа,
осторожно из Пастушьей сумки
скрипицу заветную достал.

Пчёлы, как налаженный конвейер,
загудели дружно, солнцу в лад.

И пустой колодец вновь поверил,
что вода ещё придёт назад.

2012 год, Шадринск

Старый пруд

О забытых языческих праздниках
повествуют русалочки сказки.
Лягушата в зелёных подрясниках
«Аллилуйя» поют из-под ряски.

Жив ещё старый пруд, не заилился
до конца, не усох без дождя.
Также гуси гогочут залиvisto,
к потемневшей воде подходя.

Пацанята корсарят на плотике,
сняв с пригона дощатую дверь,
на «морского» охотятся котика
(но, мякнув, удрал хитрый зверь).

А под вечер опять огородники,
употев, вёдра полные прут.
Водяной ли, святые ль угодники,
про запас берегут старый пруд.

2012 год, Шадринск

Полустанок

Когда-то я мечтал о дальних странах,
сейчас лишь об одном бы попросил:
родной хоть раз увидеть полустанок,
один из многих тысяч на Руси.

Там старый дом барачного барокко
в тени высоких вольных тополей.
Там на плетне сорока-белобока
ждёт - не дождётся свежих новостей.

Ромашкой вновь повеет, иван-чаем,
едва за поворотом семафор
увиджу...
Но никто там не встречает
меня. Лишь поля дикого простор.

Напомнит клич прощальный журавлиный
гул электрички, уходящей вдаль.
И долгим эхом сонная равнина
откликнется - как на свою печаль.

2012 год, Шадринск

Осечка

Дождя так и не было. Тучи бродили
без толку, и воду гром в ступе толк,
и ветер вздымал клубы праха и пыли,
и с тучами вместе волок на восток.

И вот всё утихло. Как после бомбёжки:
кусты стали ветки свои распрямлять,
во двориках засуетились бабёшки,
свои постирушки развесив опять.

Заохал: - «Видать, будет засуха нонче», -
с сигаркой на лавку усевшийся дед, -
«Мне что, мой-от век уж считай, что закончен...
Да сколь ещё лет простоит белый свет?»

А небо, забыв грозовую осечку,
всё жарче палило родной городок.
Мальчишки на великах мчались на речку,
и гнался за ними лохматый щенок.

2012 год, Шадринск

Самолётник

Самолётник над сараем
во дворе у нас прибит,
курс по ветру он сверяет,
тарахтит, но не летит.

Вся видна с высокой мачты
развесенняя земля,
но его с собою, грач, ты
не уманишь на поля.

Пролетай скорее, птица,
и тоску не нагоняй,
по ночам и так не спится,
стар совсем – скрипит сарай.

Пусть другие в стратосфере
высоты рекорды бьют!
Самолётник из фанеры
знает: он нужнее тут.

2012 год, Шадринск

Ветерок

Всё тает и течёт, недели две ещё
и снимем мы тяжёлые одежды.
Приветствуем тебя, весною веющий
прохладный водянистый ветерок,
ты вербы распушил, вернул надежды,
и растопил в берёзках сладкий сок!

Без устали ты носишься над праздничным
весенним миром, то спешишь на берег
речушки, то в саду у нас проказничать
торопишься, то в форточку влетишь,
то вдруг взовьёшься к самой стратосфере,
то вновь колышешь у реки камыш.

Как юный ангел, только оперившийся,
Везде успеть ты хочешь, непоседа,
весь мир обнять, сейчас тебе открывшийся,
увидеть и запомнить и понять,
Ты даришь столько радости и света,
неся на крыльях Божью благодать!

2012 год, Шадринск

Вредная туча

Туча, точно вредная корова,
звёзд репё цепляет по пути.
И в крапиву лезть она готова,
лишь только в стойло не идти.

Молодой пастух и не смышлёный –
месяц не угонится за ней.
«Ну, айда, давай до дому шлёндай!» -
нахватался слов-то от парней.

- «Где ты, тучка, холку сбороздила,
молоко по-миму пролила?
вот бы отчехвостить хворостиной,
сразу бы как шёлкова пошла!»

2003 год, с. Селезян

Картина маслом

Если был бы я художником,
я тогда бы написал –
под хрустальной люстрой дождика
деревенский наш квартал!

Капли – тысячи подвесок -
и сияют, и звенят,
нашу землю с поднебесьем
струны звонкие роднят.

Запыленный околоток
от дождя повеселел:
три избы, двенадцать соток
и картофельный надел.

Старики, и те – калоши
поскидали, что года,
и захлопали в ладоши,
и – по лывам-то - айда!

Вот была б картина маслом!
жалко, тучка вышла вся,
зацепилась за прясло
да и вы-сы-па-ла-ся.

2012 год, Шадринск

Осеево

Осеево, заречье,
не город, не село,
с горой – мешком заплечным –
к Исети подошло.

Поля да перелески
оставив за спиной,
глядит по-деревенски
посёлок городской.

От города к посёлку
мост руку протянул:
там гомон барахолки,
хмельной весёлый гул.

Но тянет за увалы,
где от берёз светло.
И городом не стало,
и больше не село.

Осеево, заречье...
Под вечер во дворы
туман заходит млечный
с Тумановой горы.

2012 год, Шадринск

У берега детства

В прозрачной воде серебрились, играя, мальки.
И, лёжа на плотике, я изучал их маневры...

Песчаным и солнечным помнится берег реки,
где нынче тальник да бурьян – непролазные дебри.

Как много воды утекло с той беспечной поры!
С того ли река обмелела, и жизнь – словно тоже?
Уже за собою знакомого ветра порыв
меня не зовёт, небо хмурится чаще и строже.

Мой плотик дощатый давно по теченью уплыл,
меня не дождался мой верный «Летучий голландец»...

Глубокий и тёплый, как память, у берега ил.
Всё тот же на волнах немеркнувший солнечный глянец.

2014 год, Шадринск

Павлу Малофееву

«Не узнаю родного города...»

П. Малофеев

Деревья выросли, расширились проспекты,
а тех, кого ты знал, давно уж нет,
как будто уезжал на целый век ты,
со счёта сбился, сколько зим и лет.

Нет в горсаду тех тополей и клёнов,
аттракционов новых пруд пруди,
нет над рекой закатов воспалённых,
и чувства нет щемящего в груди.

Как будто не домой к себе приехал,
а на экскурсию, турист и отпускник,
законспектировать все вежи и прорехи
минувшего в походный свой дневник.

Вот улица любви неразделённой,
а вот портвейна первого продмаг,
сохранены неведомым законом,
как память позабытых слёз и драк.

А вот и школа, где никто не думал,
что может быть училка не права:
меняется от перемены мест –
причем не только сумма,
но и слагаемые - дружбы и родства.

2009 год, Шадринск

Уезжают поэты

Сергею Ильиных

Подаются поэты из города
не за славой, не от суеты,
не по прихоти стали изгоями,
а с подачи тупой нищеты.

Выживание – слово жестокое.
Время новый диктует указ.
И, измучена безнадегою,
покидает поэзия нас.

Уезжают поэты, надолго ли?
Лишь бы только без клёнов родных
в душах звонкие струны не смолкли,
соловьиный родник не утих!

Как живётся на прибыльном севере?
Словно в ссылке в былые века.
Уезжают - от лжи и безверия,
уезжают - не счастья искать...

Остаются нам улицы серые.
И сиротская в сердце тоска.

2001 год, Шадринск

К поэту

Для поэта чем хуже – тем лучше,
эта истина – словно клеймо.
Ибо, если не вывернешь душу,
не придёт вдохновенье само.

Лишь, себя не жалея и муча,
всю печаль мировую впитав,
различишь корневые созвучья
в звёздных отблесках, в шелестах трав.

То единственной будет наградой
за бессонные ночи твои.

А другого тебе и не надо:
ни венков золотых, ни любви...

2013 год, Курган

Поветрие

Экспромт Чёрному Майку

Апрель. И снова ветреные дни.
Всё дует-дует - то с реки, то с бора.
А тополя зазеленеют скоро.
Ветрянкой, - скажешь ты, - больны они,
что крапинки зелёнки – эти листики.

Сравнения твои – всегда сродни
то шуму ветра, то тишайшей мистике.

2012 год, Шадринск

Алексею Мурзину

Как там в «Ладе», всё ли ладно, Алексей?
Я пишу тебе на мятом протоколе.
Я опять торчу в полиции своей,
ну а ты - указкой машешь в средней школе.

Да, Алёша, поменялись полюса,
нам с тобой не светят дачи в Переделкино,
как бы ты сверхгениально не писал,
как бы я не рифмовал тарелки с белками.

Мы с тобой, как те жар-птицы – воробьи,
вдохновение по крохам собирая,
свили гнёзда коммунальные свои
под стрехой провинциального сарая.

Жизнь проходит. И пройдёт. Но нам вослед
невзначай обронит местный житель:
Да, поэт в России больше, чем поэт,
он ещё - и швец и жнец, мент и учитель.

2012 год, Шадринск

Леониду Куликову

«Всё пройдёт, ничего не останется...»

Л. Куликов

Всё прошло, не осталось ни боли,
ни тоски бесконечных ночей.
И душа, словно птица, на волю
улетела из клетки своей.

Но остались весёлые сказки,
Белкин домик под старой сосной,
Ёжик тот, что теперь без опаски
поздороваться может с лисой.

И остались стихи-откровения,
мудрость, мужество, светлая грусть,
одиночества преодоление,
громкий голос чуть шепчущих уст.

Всё прошло, не осталось ни боли,
ни лекарств, что не могут помочь.
Песнь твою - соловьиное соло -
допевает весенняя ночь.

2012 год, Шадринск

Ты спи...

Оле

Я предрассветный сон твой стерегу,
я на руках ношу его, и слышу:
Весна грызёт сосульками стреху,
на цыпочках подкравшись к нашей крыше.

Земля, так долго ждавшая тепла,
ещё вполне в своё не верит счастье,
порою по ночам вздыхает мгла,
напомнив вдруг недавнее ненастье.

Но позади остались холода,
заказан путь им, больше не вернуться.
И мы с тобою вместе навсегда,
в метели нам уже не разминуться.

Твой тихий сон качаю на руках,
ты спи, пока весенняя планета
заулком нашим, в тающих снегах,
не повернулась к солнечному свету.

2012 год, Шадринск

По вешним разливанным водам,
презрев пред родичами страх,
себя представив пароходом,
идёт парнишка в сапогах.

Что изменилось в этом мире,
кроме обложки букваря?
Когда мне было три-четыре,
я так же «бороздил моря».

И, в сапоги начерпав, так же
ждал приговора от родни.

А в небе облака, как баржи,
в неведомые плыли дни.

2012 год, Шадринск

Весеннее пешеходное

Весною множество проблем
для пешехода.
Ещё снег стаял не совсем,
виной – погода.

То подморозит, то опять
снежком повеет.
И негде силы воли взять –
в прогноз поверить.

Местами лёд, местами грязь,
местами лужи,
и не поймёшь, изматерясь,
что хуже.

Хожу по лужам, не по льду,
пусть мокнут ноги:
не поскользнусь, не упаду
на полдороге.

И, если сдохнуть от тоски
мне не придётся, -
скорее высохнут носки,
чем кость срастётся!

1999 год, Шадринск

Ласточки

На приусадебном участке
сегодня рано поутру
стремительно носились ласточки,
охотились на мошкарю.

У огуречной грядки пугало,
не успевая уследить
за ними, выпучило пуговики,
постичь пытаюсь птичью прыть:

- Какая сила в оперении,
в чём быстрокрылости секрет?
Летают, словно вдохновение,
опережая звук и свет!

Экспромта этого соавторки,
молниеносен ваш полёт!
Не зря комариков на завтраки
вам Провидение даёт!

2014 год, Шадринск

Будет Весна!

Всё зима. И не верится
в окончание вьюг,
что земля наша вертится
солнца жаркого вокруг.

Чем-то вроде фантастики
представляется мне,
что капли фонтанчики
зазвенят на окне.

Бесконечною кажется
эта стылая мгла.
С ней надежда не вяжется
в мир добра и тепла.

Но ведь будет весна ещё,
будут ясные дни?
Старый тополь всезнающий,
по секрету шепни!

2013 год, Шадринск

Всё чаще сносят старые дома.
И ширятся, и сиротеют улицы.
С тупой рациональностью ума
моя душа никак не состыкуется.
Я понимаю, что года идут,
и вряд ли что-то вечно под луною,
дощатый незатейливый уют -
не исключение.
Но всё-таки со мною
останется навечно, словно сон
о времени лихом и беззаботном, -
та улочка, где верховодил клён,
где сказки жили в каждой подворотне,
где вновь, как в детстве, выстлана земля
всё тем же лёгким тополиным пухом...

Ползёт бульдозер и рокочет глухо,
ковшом обломки брёвен шевеля.

2012 год, Шадринск

Осенние костры

Отшумели дни весёлые,
впереди метели лютые,
и деревьев ветви голые
никнут с каждой минутою.

Под запевы ветра частые
вновь дымят костры осенние:
огнепальное причастие
палым листьям во спасение.

Скоро новые хозяева
на сады родные спустятся,
станут игрища устраивать,
вихри снежные закрутятся.

Как пророчество и знаменье –
всё горят костры осенние,
исчезают листья в пламени
с вешней верой в воскресение.

Огнепальное причастие – самосожжение у староверов

2012 год, Шадринск

По серпантину лет

(Из Анни Безант)

...И потянулись дни, как беженцев колонны,
влача нехитрый скорб: тоску и скорбь.
И ты свою за ними спину горбь,
то вниз, то вверх, то огибая склоны.

Здесь кто споткнулся – был толпой затоптан,
и мы бредём, поднять не смея глаз.
Нас ветер подгоняет, всякий раз
суля короткий отдых нам за то потом.

Так и бредём, размеренно и слепо,
по серпантину лет, за кругом круг.
Где тот смельчак, что взгляд поднимет вдруг,
и сквозь густой туман увидит небо?!

И он толпе смятенной возвестит,
что трудный путь – не в бездну путь, а к храму!

Но тем лишь наши потревожит раны,
и будет вновь камнями побит.

2013 год, Курган

Послание друзьям

Как Баратынский в скалах Финских,
в чужом и сумрачном краю,
во всех зачислен чёрных списках,
оставил молодость свою,

так я в Курган командирован
начальством сумасбродным был.
Сей град, унылый и суровый,
враз охладил мой жаркий пыл.

Здесь не одни мои потухли
глаза. О, серость бытия!
Посмешище лицейский, Кюхля
тут ссылку отбывал, как я.

Тут сходятся в метельном танце
Сибирь седая и Урал.
Тут лучший наш поэт – Еранцев
пред бурю не устоял.

А вы, друзья бывлой свободы,
с кем мёд Квасиров из горла
мы пили, с кем в молодые годы
вершили славные дела,

с кем охмуряли муз капризных,
мечтая, впрочем, лишь о том,
как посвятить себя отчизне...
Где вы, друзья, в краю каком?!

Один, объехав пол-России,
в Челябине думает осесть.
Другой, собрав последни силы,
стоит за Шадринскую честь.

А третий вовсе в Пермском крае.
Пораскидала нас судьба...
Как волки мы, отстав от стаи,-
всяк по себе, туда-сюда...

Я помню вас, Вильгельм, Евгений,
вас, Алексей и Михаил,
и Павел, чьих стихотворений
я в сердце ритмы затаил!

Ужели боле не собратья
всем нам у вольного костра,
ужель не пировать нам, братцы,
как в молодости, до утра?

Взываю к вам, но нет ответа,
и только ветер за окном
поёт, как пьяный, до рассвета,
уж сам не ведая о чём.

2013 год, Курган

В лучезарослях

Сентябрь был тихим и бескровным,
читая время по слогам,
как по стогам сырой соломы,
туманом крался по лугам,
по заболотицам укромным,
по перелескам постоялым,
где рощи молодых берёз –
осенней красоты салоны –
открыты были постоянно
для вдохновений и для слёз.

Сведя с оседлой жизнью счёты,
я брёл вослед за сентябрём,
за очарованною грустью,
сквозь пустоцвет и бурелом,
сквозь паутинные расчёсы,
сквозь прелесть преющую ярко,
и в лучезарослях густых
я находил живые грузди,
рябины гроздя и боярки
и золотой осенний стих.

2009 год, с. Селезян

Еткуль

Андрею Кривошею, криминалисту и поэту

Уездный город, родина Бориса
Ручьёва, что воспел Магнитострой.
Окустены проулки барбарисом,
рябиною, а чаще – лебедой.

Здесь частный сектор год от года ширше,
Черёмушки свои и свой Шанхай.
Здесь Кривошей свои слагает вирши,
когда к утру собачий смолкнет лай.

Здесь, как в любом российском городишке,
свои шестёрки есть и короли.
В бору грибы имеются в излишке,
и дрожжи вместо пахотной земли.

Здесь всё – от Интернета и до СПИДа:
цивилизация заходит и сюда.
Уральский городок, невзрачный с виду,
тебя я не забуду никогда.

2010 год, Еткуль

Сельское кладбище

(классическая элегия)

«Но ближе к милому пределу...»

А.С. Пушкин

Давно деревни нет в помине,
но на опушке боровой
не забывается поныне
погост старинный родовой.

Здесь тишина, какой нигде нет:
веков минувших тишина.
Кто зову сердца не изменит,
тому даруется она.

Я вижу ряд могилоч новых:
не оставляет Смерть свой труд.
Из дальних мест без остановок
сюда покойников везут.

Разъехались односельчане,
но, как велит обычай им,
едва Она в окно заглянет,-
спешат к местам своим родным.

И я, когда настанет время,
пред тем, как мне закрыть глаза,
скажу: пусть нет моей деревни,
обычай нарушать нельзя.

Не на престижнейшем погосте,
с оркестром и салютом чтоб,
здесь горсть земли прохладной бросьте
на мой сосновый свежий гроб.

И ни при чём тут дешевизна
клочка земли в родной глуши:
обратный путь длиной в пол-жизни
здесь завершится для души.

2012 год, д. Короткова

Музыкант

У большого магазина,
у высокого крыльца
с утра сидит мужчина –
на трёхрядке «ум-ца-ца».

Рядом в баночке помятой
мелочь, несколько рублей.
На чекушечку, понятно,
собирает дуралей.

А у ног его синицы
шелуху в снегу клюют.
А от песен гармониста
в сердце - радости салют!

И прохожие бросают,
не скупясь, по медяку.
И давно уже хватает
на чекушку мужику.

Но играет, не уходит,
не для денег, для души.
И задорно так выводит,
хоть бросай всё, да пляши!

2000 год, Шадринск

Самый счастливый день

Я ехал с дедом в поле, на работу,
а было мне лет пять тогда, иль шесть.
За шиворот стекали капли пота,
до сей поры я это чту за честь!

Мужик! – когда вернёмся, скажет баба,
не попрекнёт, что вляпался в мазут, -
так думал я, качаясь на ухабах,-
когда он лёгким был, крестьянский труд?!

На «Беларусе», синем, словно небо, -
не знающем усталости коне,
мы целый день возили горы хлеба,
казалось, хватит всей большой стране!

На стане, за столом из грубых досок,
хлебали, обжигаясь, жирный борщ.
а тракторного рёва отголосок
ещё бродил в берёзках ближних рощ.

Вернулись мы, когда уж было тёмно,
я на ходу буквально засыпал.
Но дня того счастливее не вспомню,
да и борща вкуснее не едал.

2011 год, Шадринск

Шумит океан...

Сестре Тане

Ты помнишь, как в детстве бывало:
шалаш на полу из одеяла, -
уютный игрушечный мир,
исполненный искренней веры...

А помнишь...

У жизни немало
подобных банальных примеров:
все были когда-то детьми.

Все верили в деда Мороза,
покуда не трогала проза,
и в странствия даль не звала
за новой мечтою неясной...
Храни нас, Господь, в мире взрослом
от сердца растраты напрасной,
уныния, прочего зла!..

Мы так далеки друг от друга.
Скулит бесприютная вьюга
за стылым окошком моим,
в твоё – лёгкий бриз невесомый,
струится без лишнего звука,
порхает по комнатам дома,
пока мы с тобой говорим.

Мы так далеки. Мы так близко,
что в шуме пурги – шёпот бриза
я слышу, но слов не пойму,
зачёркнутых цензором-ветром,
и, словно Атлантики брызги
с твоим запоздалым приветом, -
снежинки к стеклу моему...

Мышонком компьютерным *кликну*,
тебя в интернете окликну
и жду – озарится экран,
лицо я увижу родное...

Я всё же никак не привыкну,
что между тобою и мною
огромный шумит океан.

2013 год, Шадринск

Грабли

Моему сыну Лёве

Я сделал грабли сыну,
легки, не велики,
зато они под силу,
для маленькой руки.

Одевшись по погоде,
вдвоём идём мы в сад,
сын мне помочь в работе
всегда готов и рад.

Я кучу загребаю,
а он – один листок.
Ещё обгонит, знаю,
меня он, дайте срок!

У парня – пота капли
по щёчкам уж бегут.
Игрушечные грабли,
но настоящий труд!

2011 год, Шадринск

Шестое июня

Любимой жене Оле, рождённой в Пушкинский день

Шестое июня. Наш праздник вдвойне,
пора принимать поздравленья сердечные.
Исполнилось вновь восемнадцать – жене,
и вновь тридцать семь – Александру Сергеичу!

И снова, и снова – вино и стихи,
букеты цветов, долгожданные гости,
и смех от любой озорной чепухи,
и тесно нам только до первого тоста.

Любимая, как же тебе повезло
родиться в один день с великим поэтом!
Как мне повезло, что разлукам назло,
мы вместе опять этим солнечным летом!

А где же, а где же твой звёздный «Близнец»?
Его-то как раз нам сейчас не хватает,
в пирушках по праву первейший он спец,
так что ж на портрете - лишь слюнки глотает?

Пусть Пушкин не с нами за дружным столом,
но это, поверь мне, не повод для грусти!
Он с нами - весёлым игривым стихом,
шампанского он ни глотка не пропустит!

Я вас поздравляю, родные мои,
жму руку поэту, целую супругу.
Покуда мы вместе, светлы наши дни,
и в полдень июньский, и в зимнюю вьюгу!

2012 год, Шадринск

За снежной далью

Цепочку, как молитвенные чётки,
перебирают ходики в простенке.
Какой там год на численнике? Чётко
не разгляжу за паутиной сна.
Но чую, что в печи пекутся гренки,
и бабушка ждёт внука у окна.

Опять сидит за рукодельем, горбясь
(теплей и мягче варежек не знал я!),
А котик – цап-царап клубок и – в голбец.
«Ах, пакостник, вот я тя голиком!»-
И улыбнулась. И за снежной далью
яснее виден стал мне старый дом.

Наш пятистенок, и в садке рябина,
и над заплотом на шесте скворечник,
и лавочка, где мы сидеть любили,
и жестяная на углу звезда,
я даже слышу петухов заречных,
но на снегу не вижу ни следа.

В заулке время намело сугробы
в сенной зарод добротный вышиною.
Эх, прогрести тропинку хорошо бы,
да затерялось дедово пехло.
И оттого мне и во сне – виною
неискупимой сердце обожгло.

Но некому уже меня утешить,
шершавую и теплою ладонью
пригладив непослушные вихры.
Как будто бы стучат часы всё те же,
но молока не попросить спросонья
и той счастливой не вернуть поры.

Цепочку, как молитвенные чётки,
перебирают ходики в простенке.
Какой там год на численнике? Чётко
за пеленою сна не разгляжу...
А бабушка зачем-то вышла в сенки.
А я клубок потерянный держу.

2012 год, Шадринск

*Пехло – широкая деревянная лопата для уборки снега.
Садок – палисадник.*

Дом на Карла Маркса

*Есть кодекс прав несовершеннолетних:
Крик, драка, бег по краю крыши, прыжки,
Игра с дождём, плескание в лужах летних,
Порт из камней, из грязи – пирожки...*

Даниил Андреев

1.

Дом двухэтажный наш на Карла Маркса,
верх деревянный и кирпичный низ.
Где б я не жил, и чем не занимался,
он снится мне, зовёт меня: «Вернись!»

И память оживляет дорогое,
как не бывало трёх десятков лет:
вновь машет мне приветливо рукою
из голубятни фронтовик-сосед.

И пацаны зовут меня «на улку»,
и я бегу к друзьям своим, бегу,
забыв про арифметику-науку
и времени крошечную пургу.

2.

Меж тротуаром и проезжей частью –
то тополя, то клёны, то газон.
По нашей улице машины шли не часто,
в день – пара «жигулёнков» да ГАЗон.

И мы играли на «проезжей части»
в «Чижа», в футбол, в индейцев, в «Сталинград»,
формировали воинские части
из листьев, что насыпал листопад.

Лист тополиный – стойкий был солдатик,
когда его в игрушечном бою
навылет били пульки из рогаток,
он всё стоял – за Родину свою.

3.

А рядом – за забором - пилорама,
мир заповедных сказок и легенд.
Туда не разрешала лазать мама,
но – «контрразведки преданный агент»,

однажды я проник туда, и в «штабе»
так доложил: сосны огромный ствол
пилили мужики и доски в штабель
сложили, и потом пошли за стол,

там в домино играли, пили пиво,
один меня засёк, но я удрал
пока он рукавицею крапиву
срывал и вслед мне страшно хохотал!

4.

Еще я помню, бабушки ходили
с корзинками меж клёнов поутру,
грибы там - шампиньоны - находили,
как будто мы не в городе, - в бору.

Еще была немая там Галина
и дедушка по прозвищу Юю',
семья его в огне погибла, и' на
другое утро проклял он свою

жизнь, навсегда лишившись дара речи,
«Юю'! Юю'!» – мог только говорить.
Зря врут о том, что время раны лечит:
мне не забыть,
что смел его дразнить!

5.

Был пулемёт «Максим» - как настоящий!-
с работы папка мне его принёс.
Он из подъезда кем-то был утащен,
я, безоружный, столько пролил слёз!

Но помню, как лупил по батареям,
половником, чтоб вызвали «ноль-два»,
когда отец вдруг становился зверем,
Средь ночи заявляясь, «жив едва».

А после мама снова вышла замуж,
И по-другому зажила семья.
Всё понимаю, я отец и сам уж,
дай Бог, чтоб сын не знал, что знаю я!

6.

Однажды в доме, что от нас - три шага,
на перекрёстке с Розы Люксембург,
девчонка отравилась, и бумагу
оставила: «Зачем ты, милый друг,

ушёл к Лариске? Я тебя любила,
и без тебя я не согласна жить».
Ватага наша вся тогда ходила,
чтоб поглазеть, как будут выносить.

Впервые труп увидев человека,
что в смерти мы понять ещё могли?
Тогда же - друг за дружкой генсеки
в могилы у стены Кремлёвской шли.

7.

- Вот дедушка Ленин. – А где его Лена?
Я маме упрямо твердил: - Не пойму,
мой дедушка лучше! Должны непременно
на площади памятник сделать ему!

Потом с октябрятской звездой на кармане,
потом в красном галстуке стал я ходить.
А вот в Комсомол в годы «гласности» я' не
успел – к сожаленью, иль к счастью – вступить.

Я был пионером последним, одним из
«детей перестройки». На наших глазах
страна поменяла и имя, и имидж,
и «дедушка Ленин» рассыпался в прах.

8.

От магазина «Молоко» и Главпочтамта
до общежития, где ночью шум и свет,-
отрезок улицы, отрезок жизни. Там-то
я и провёл с рожденья десять лет.

Хорошее и разное бывало,
но ничего мне позабыть нельзя.
Вновь Карла Маркса
Петропавловской не стала,
и я другим не стану вдруг, друзья.

В чужом районе, городе, весь мир ли
объехав, сердце просится – домой.
Я тот же пацанёнок с «Кырлы Мырлы»,
как в школе звался околоток мой.

Петропавловская – дореволюционное название нынешней улицы Карла Маркса в г .

Шадринске

9.

Одеколонных пробок полпакета
за пазухой, в кармане – 20 коп.
на коржик с соком. Середина лета.
Гуляй, орда, пускаемся в галоп!

Что может лучше летних быть каникул?!
Пусть пыль гоняет ветер-суховей,
всех звонче на стручках акаций пикал,
свистел я, как разбойник-Соловей!

А можно, вместо коржика и сока,
в автобусе поехать хоть куда:
в Бакалду, или в Мыльниково, во' как
гуляла восьмилетняя орда!

10.

Порой мальчишье племя кочевое
в очередной отправится поход,-
на три квартала по округе всё живое
в тревоге, в восхищении замрёт!

Молниеносны, яростны налёты
на яблочный райисполкома сад!
Собаки, как «трусливые койоты»
бежали прочь, завидев наш отряд.

Но самым, и рисковым, и чудесным
считалось в старый храм Никольский влезть,
на колокольню лестницею тесной
подняться
и увидеть город весь!..

11.

Вон - школа, вон - кино «Октябрь», а ближе –
«Пожарка» и казармы для солдат.
А вот и наша улица, всё вижу
сейчас я, как и тридцать лет назад.

Пусть нет тех стариков, пусть я всё реже
бываю здесь, сбежав от суетни,
но по сей день стоят дома всё те же,
я верю, помнят и меня они.

Здесь часть души моей навек осталась,
фантомной болью памяти живу,
но вмиг тоска слетает и усталость,
когда свой Шадринск вижу наяву.

29 апреля – 3 мая 2011 года, Шадринск

СОДЕРЖАНИЕ:

Берёзовое причастие
Земной поклон
Песни ветра
Душа народа
Путь-дороженька
По грибы
Птица-тройка
Больше века
У истока судьбы
Провода
Виктору Астафьеву
Над рекой
Платформа 184 км
Павелёво
Приисетье
В глухомани
Ангел бездны
Берёза-Богородица
Гроза
Комета
Проклятье
Родина или смерть
Партизанские костры
Вечный огонь
Весна в Славянске
Т-34
Последнее письмо
Сталкер
Пурга
Сороки
Блазни
Касьянов день
«Всё с рук сойдёт нам...»
Узелковая грамота
Памяти поэта С.Чепесюка
Пепел
Из Питерского дневника
Памяти Александра Корсуна
Из окружения
На литорали
В тесной пустоте
На пустыре
Соловей
Облака в закатной позолоте
Осень
Акварель
Печка
Моей мышке
На осеннем рассвете
Первый снег
В прозрачной мгле
Предзимье
«Если впереди пути не видишь...»

«Зима без малого прогресса...»
Из детства
Одинокaя песня
Над Исетью
Ветеранам крапивной войны
Скоморошье племя
Родина
Души - задушены...
Оттепель
Первоснежное
Под новый год
«Забыто новогоднее похмелье...»
Клёны
Стихи о первой любви
Утро в саду
Старый пруд
Полустанок
Осечка
Самолётик
Ветерок
Вредная туча
Картина маслом
Осеево
У берега детства
Павлу Малофееву
Уезжают поэты
К поэту
Поветрие
Алексею Мурзину
Леониду Куликову
Ты спи...
«По вешним разлитым водам...»
Весеннее пешеходное
Ласточки
Будет весна!
«Всё чаще сносят старые дома...»
Осенние костры
По серпантину лет
Послание друзьям
В лучезарслях
Еткуль
Сельское кладбище
Музыкант
Самый счастливый день
Шумит океан
Грабли
Шестое июня
За снежной далью
Дом на Карла Маркса (поэма)